

1 ГЛАВА

— Я приеду, — главное сейчас не расплакаться, — на первых же каникулах приеду.

— Не нужно. — Марта поправила на мне криво завязанный платок и нежно провела ладонью по щеке. — Не беспокойся, у меня все будет хорошо. А ты учись изо всех сил. Это самое важное. Терпи, не вздумай бросать школу. Ты все выдержишь. Ты сильная.

Наверное, только любящие глаза Марты, моей бывшей няни, разглядели во мне какую-то мифическую силу. Я же видела только испуганную, неуверенную в себе девчонку. Кто бы знал, как я трусила куда-то уезжать! Но выбора действительно не было.

Я удрученно кивнула и еще раз обняла няню, сильно-сильно прижимая ее к себе, вдыхая род-

ной запах. Женщина слегка отступила, развернула меня и подтолкнула вперед, иначе, наверное, я бы так и не решилась сдвинуться с места. Я медленно поплелась к телеге, оглядываясь назад. Закинула котомку с вещами, сама пристроилась на краешке, все остальное место было завалено мешками с мукой.

До города меня пообещал довести мельник, он сам ехал на ярмарку. Далее — поезд до столицы. Марта рассказывала, что сама школа расположена недалеко от нее, чуть южнее, на самом берегу моря. Занятия должны начаться с первым днем осени. До него оставалась неделя. Надеюсь, успею.

Утро было прохладным. Солнце пока не показалось из-за вершущек деревьев. И пусть на календаре еще лето, в нашем суровом северном краю даже летом иногда трава покрывалась изморозью. Изо всей силы вцепившись в борт телеги, я смотрела на маленькую сгорбленную женщину у покосившейся ограды, кутающуюся в старую потертую шаль. Когда она успела так постареть? Видя Марту каждый день на протяжении всей своей жизни, я и не заметила, как согнулась ее спина и побелели волосы.

Я сглотнула горький комок, стоявший в горле. Поплачу потом, дорога длинная, время будет. Сейчас я не хотела тратить на слезы даже секунду из отпущенного нам времени. Но в глазах все равно расплывалось, превращая Марту в призрачный туманный силуэт. Мельник щелкнул кнутом, и две огромные тягловые лошади потащили тяжело груженную телегу на юг.

Я смотрела и смотрела на размытый силуэт няни, тающий в предрассветных сумерках, пока глаза

не начало печь. Хотелось прыгнуть и побежать обратно изо всех сил. Уткнуться ей в грудь, ощутить ласковые руки на своих плечах. Хотелось остаться здесь, в маленьком глухом хуторе на окраине королевства, где никому не известно, кто я, где живет единственный человек, который меня любит и который дорог мне.

Увы, единственный во всем мире.

Мы с Мартой встали затемно. Точнее, она встала. Я же так и не смогла накануне уснуть. Вещи собраны были еще вчера. Да и «вещи» — громко сказано. Два платья, туфли (вторая и последняя пара обуви — ботинки — была сейчас на мне), старое перешитое пальто Марты, гребень, маленькое полотенце, зубная щетка, смена белья.

Смешно. Я столько раз ездила с родителями в гости к друзьям, в столицу, к морю. И пусть прошло много лет, я прекрасно помню, что мою одежду и игрушки везла отдельная карета, запряженная четверкой лошадей. А сейчас все мои вещи уместились в холщовую котомку.

Марте пришлось продать козу, чтобы оплатить дорогу. Я отговаривала ее как могла. Одна из двух кормилиц была отдана за то, чтобы я добралась до школы.

— Все равно я уже не могу за ними ухаживать, силы не те, — отвечала няня на мои мольбы не делать этого. И действительно, в последние несколько месяцев козами занималась в основном я. А также огородом, домом, готовкой. Я отказывалась делать какие-то выводы, а на мои вопросы о здоровье Марта всегда отмахивалась. Зато убеждала она со всей страстью.

— Это единственный шанс для тебя вырваться отсюда!

— Зачем мне куда-то «вырваться»? — упрямо не хотела понимать я. — Мне и здесь хорошо. Мы прожили спокойно четыре года и будем жить дальше. Я умею готовить, доить коз, ставить силки на кроликов. Даже если ты не сможешь мне помогать, мы не умрем с голоду.

Марта улыбнулась и тут же глухо закашлялась.

— Это не твое, девочка моя, — хрипло произнесла она погоды. — Сколько ты сможешь скрываться? Меня скоро не станет. В лучшем случае тебя отдадут в жены сыну какого-нибудь пекаря или кузнеца. В худшем... — Она немного помолчала. — Ты знаешь, что будет в худшем.

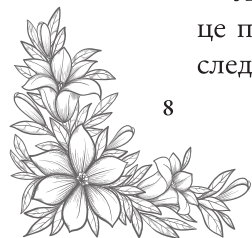
Конечно я знала. Эти знания вбивала мне Марта на протяжении четырех лет: в худшем меня найдут плохие люди и превратят в рабыню. Запрут в подвале и заставят день и ночь работать на них.

— Поэтому тебе нужно учиться, — закончила она веско. — Не математике и письму, их ты знаешь. А развивать свои умения. Силу рода, ее защиту. Я не смогу тебя этому научить, как бы ни хотела. Такие знания закрыты для простых людей.

Я угрюмо слушала ее наставления уже, наверное, десятый раз за последний месяц. Подобные разговоры с разными вариациями происходили постоянно, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать лет.

— Твой отец сделал тебе бесценный подарок... — продолжала она, и впервые я улыбнулась. Это сейчас он стал бесценным, а тогда, четыре года назад, мне казалось, что более бесполезного подарка у меня не было никогда.

Я тряслась в телеге, наблюдая за тем, как солнце поднимается из-за леса, и вспоминала свой последний день рождения в кругу семьи. Мне тогда

исполнилось двенадцать. И я была жутким, избалованным монстром.

Моя семья купалась в деньгах. У меня было все, чего только можно пожелать. На дни рождения мне уже не знали, что дарить: у меня было несколько игровых комнат с самыми красивыми и дорогими куклами — обычными, заводными, танцующими, маленькими и в полный рост; сотни шелковых, расшитых самоцветами платьиц; горы золотых украшений; своя собственная конюшня с каретами, лошадьми, пони; свой собственный повар, учителя, гувернантки, горничные и прочее, прочее.

И я была единственным ребенком в семье. Не знаю почему. Мама родила меня в ранней молодости, через год после свадьбы, а потом на все мои просьбы подарить сестричку или братика отвечала, что вот-вот, уже скоро, на следующий день рождения, а потом еще на следующий и так далее, а потом я перестала спрашивать.

Поэтому мама и папа меня нещадно баловали. Я росла в окружении любви, золота и вседозволенности.

Сейчас я со стыдом вспоминаю, как изводила своих нянь и гувернанток. Бедная Марта, натерпелась она со мной. Но была единственной, кто с невозмутимостью и безмятежностью сносил все мои выходки. Разорванные платья, испорченные игрушки, разбросанную еду, разлитые на ковер напитки. Однажды я услышала, как вторая няня сквозь зубы выговаривала ей:

— Как ты терпишь это чудовище?

Я тогда выплеснула ей на платье чай. Он мне показался слишком горячим.

— Она просто маленькая девочка, — ласковым голосом ответила Марта, — и хочет внимания.

— Она хочет розги.

Надо ли говорить, что девушку уволили в тот же день? Я кричала и топала ногами в папином кабинете, пока он не согласился это сделать.

Мои двенадцать отмечали в кругу семьи. Наш последний совместный праздник. Папа в последнее время постоянно пропадал где-то, я обижалась. Вот и тогда он приехал из столицы буквально на день. Я выспрашивала о подарке, но он загадочно молчал, поясняя, что хочет сделать сюрприз. Я ожидала чего-нибудь необыкновенного, но ничего умного не приходило в голову. Когда золота столько, что с лихвой хватает на самые безумные фантазии, этих самых фантазий и не хватает.

— Я решил подарить тебе полный курс учебы в Королевской школе, — торжественно произнес отец, когда уселись за праздничный стол, и протянул мне плотный свиток с красивой разноцветной печатью.

Я недоуменно уставилась на родителя, собираясь закатить истерику. Это потом я узнала, что стоимость учебы там за пять лет равна стоимости двух, а то и трех доходных поместий или целой флотилии торговых кораблей. Что учатся там самые богатые отпрыски семей нашего королевства. Что все выпускники потом работают на благо страны на самых высоких постах. Но тогда, четыре года назад, я была возмущена и обижена.

Конечно, папа после моих слез задобрил меня еще алмазными заколками, так что я вскоре успокоилась и выбросила этот странный подарок из головы.

Я вспомнила о нем случайно. Когда уже два года жила у Марты. Она учила меня всему, что знала. А знала она немало. Только постоянно сокруша-

лась, что не может ничего мне рассказать о моей родовой силе.

— Тебя должен был учить твой отец, — вздыхала она. — И еще, говорят, в Королевской школе есть нужные книги. Там собрана величайшая библиотека.

Тут я про школу и вспомнила. Принимали в нее с шестнадцати лет, но Марта изводила разговорами о том, что мне нужно обязательно туда попасть.

— Марточка, почему я должна ехать в шестнадцать? — наивно улыбалась я еще полгода назад. — Ведь я могу поехать и в семнадцать, и в восемнадцать.

— Потому что тебе нельзя здесь задерживаться, — грозно отвечала она. — Со мной уже разговаривали по поводу твоего замужества. Колай, сын кузнеца, хочет тебя в жены, и Бакан заходил, у него второй сын подросток.

— Да что же им от меня надо?! — воскликнула огорченно я, вспомнив того сыночка. Толстый, прыщавый заносчивый мальчишка. Ему самому было немногим больше пятнадцати. Тот еще женишок. Хотя семья у него богатая. Самая богатая в нашем поселке.

— Ты необычная, Дени, — ответила Марта, — не похожа ни на одну из здешних девушек. А через год-два станешь настоящей красавицей. Да и женятся на хуторах рано, так что в восемнадцать у тебя вполне может быть ребенок, а то и два.

Мне стало неуютно. Я сама еще ребенок, тощая, нескладная, худая. Грудь совсем маленькая, какая из меня невеста?

— Да и вряд ли я проживу еще два-три года, — сказала няня и закашлялась. Я тут же принялась ее успокаивать, побежала за отваром мяты. Но разго-

вор запомнила. Тем более что Марта не давала его забыть, раз за разом напоминая о школе.

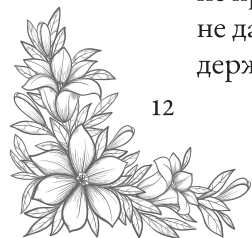
Все упиралось в родовую магию. Мой отец, дед и так далее повелевали металлами. Могли чувствовать их под землей и на земле. Могли вытащить из глубокой шахты на поверхность рудную жилу, могли управлять любым металлическим изделием, будь то железный нож или золотое украшение.

Металл всегда любил меня. Даже без особенных знаний я могла маленькими ручками согнуть толстый прут, распрямить подкову, разорвать надвое цепь. Но вот создавать что-то я была не в состоянии. Для этого нужно знать определенные слова, уметь направлять потоки силы, обращаться к сути металла. Я не знала и не умела.

Какой же я была глупой! Да лучше бы я научилась хоть чему-то путному, чем танцам, этикету или правильной посадке на лошади. Как бы мне сейчас пригодилась пара бытовых заклинаний! Я же к двенадцати годам выучила только одно, и то случайно. Как-то я порвала золотой браслет и прибежала в слезах в папин кабинет. Он улыбнулся, взял цепочку в руки и произнес: «ШИБА РОТО ДАДО». Цепь опять стала как новая. Я запомнила слова, особо не раздумывая, что они означают. Жаль.

Уже потом, после всего случившегося, я начала тренироваться у Марты в доме. Смогла починить только несколько медных тазов и погнутую сковороду. Дом у нее был деревянным, забор тоже.

Я так и сяк тасовала три известные мне слова. Когда произносила их по отдельности, ничего не происходило. «ШИБА РОТО» и «РОТО ДАДО» также не давали никаких результатов. А вот «ШИБА ДАДО»... держала в руках медную ложку, когда произнесла

слова. После этого в руке у меня остались золоти-сто-розовые гранулы. Медь в чистом виде. Я еще распылила несколько гвоздей, чтобы закрепить результат.

Марта порадовалась моим успехам, но на предложение помочь соседям она резко и категорично ответила:

— Нельзя! Никто не должен знать о том, кто ты на самом деле!

Родовая магия. Сила, заключенная в крови. Марта рассказывала, что она вырождается. Еще сто лет назад ею владели десять семей королевства, а сейчас осталось всего пять. Эти пять семей каждый житель знал наперечет. Род Зорг, умеющий пробуждать силу земли. Они могут равнять горы и вызывать землетрясения. Род Тург — им подвластны растения. Марта рассказывала, что когда-то на спор один из Тургов за ночь вырастил густой высокий лес, окружив им столицу. Род Горн, передвигающий вещи на расстоянии. Не слишком прибыльное умение, но пригодное для доставки грузов издалека. Род Фарх способен воздействовать на животных. Приручать диких, воспитывать и обучать домашних, даже разговаривать с ними.

И я, последняя из рода Крей — ария Дениза Крей. Хотя сейчас уже не ария. Титул отобрали вместе со всеми деньгами, поместьями, землями. Сейчас я просто герра Дениза Крей. Бедная нищенка, простолюдинка, живущая вместе с бывшей няней в ее покосившемся доме, в глухом поселке у Синих гор, на севере королевства, которым правит Рем Пятнадцатый.

Зорг, Тург, Горн, Фарх и Крей. Их имена знают все. Богатейшие и древнейшие семьи королевства.

Семьи, у которых имя рода состоит из четырех букв. Выше лишь королевский род, у него три буквы. По легенде, изначально имена всех родоначальников состояли из четырех букв. И если второй, третий и так далее отпрыски уходили и создавали свою ветвь семьи, к их фамилии добавлялась буква. Таким образом, чем длиннее родовое имя, тем моложе род. Соответственно, чем короче имя, тем старше родословная. Раньше, сотни лет назад, родов было немного и имя рода ценилось на вес золота. Сейчас королевство разрослось так, что уже никто не придерживается этого правила. Лишь носители древней крови, ведущие свою родословную от самих богов, заикленные на своей исключительности, соблюдают устаревшие законы именованья.

Были еще семьи, у которых родовая сила исчезла по какой-то причине. Например, у отца или матери она еще есть, а в ребенке не проявилась. Ни в первом, ни во втором, ни в третьем. Каждая такая потеря становилась серьезным ударом по благополучию нашего королевства, престиж и сила которого как раз и держится на магах. Ведь они живут только у нас, в Альтее.

Марта рассказывала, что подобным образом пропала сила рода королевской ветви. Родовая магия у них была самая... неприятная. Они умели читать эмоции и внушать людям нужные им мысли.

— Неудивительно, что их род стал королевским, — сказала я тогда, — несправедливо использовать магию, чтобы управлять людьми.

Мое высказывание немного опередило слова няни, следом она мне рассказала, что в королевском роду магия пропала очень давно. И прошлый, и нынешний король не обладают ею. Последним,

кто ею владел, был то ли Рем Пятый, то ли Седьмой, древняя древность.

Подобным образом исчезла сила Мару повелевать погодой. Пропала сила в роду Хорн — умение видеть истину, ранее им всегда доставалась должность верховного судьи королевства, хотя какой-то из Хорнов и сейчас занимает этот пост. Пропала одна из самых лучших, по моему мнению, сил — сила рода Берг, умение излечивать самые тяжелые болезни, смертельные раны. И так далее. Няня много всего знала, но увы, не все.

— Поэтому тебе и нужно учиться, — постоянно повторяла она, — ты должна уметь защитить себя, потому что больше некому. После школы ты станешь сильной, в измене королю тебя не обвиняли, значит, тебя не ждет тюрьма, лишь злословие и сплетни. Это пустяк. Переживешь.

Я горестно вздохнула. Совсем даже не пустяк. Марта заметила выражение моего лица и ободряюще похлопала по руке.

— Ты выдержишь, — серьезно продолжала она. — Я сама училась в большом городе. Не в столице, конечно, в соседней Ксении, но и там не любят бедных простолюдинов. Сколько я натерпелась, не передать словами. Но выучилась и стала довольно приличной гувернанткой.

— Почему же ты у нас работала няней? — поинтересовалась я.

— Потому что гувернанток предпочитают молодых, а когда я поступила к вам на службу, мне уже было за пятьдесят. У меня долго не было работы, и я согласилась на предложение вашего управляющего.

— Я безумно рада, что ты согласилась, ты сама лучшая няня на свете!

Марта отмахнулась от моей попытки ее задобрить и продолжила наставления:

— Окончишь школу, поменяешь имя, уедешь из столицы куда-нибудь, да хоть на север, в Бат, найдешь работу. С твоими умениями это не сложно. Устроишься в ювелирную мастерскую или в кузнечную. Будешь много зарабатывать, выйдешь замуж, за кого захочешь...

Я скривилась.

— ... а главное — будешь независима и богата. Твоя сила рода — это золотой колодец, Дени.

Пожалуй, да. Моя сила рода является самой прибыльной, потому что вместе с техническим прогрессом возрос спрос на различные металлы. Именно из-за этого наша семья считалась одной из самых богатых в королевстве.

Мы многое могли себе позволить. Шикарные многолюдные балы каждую неделю, швыряние золота под ноги селянам, кричащую роскошь многочисленных домов, золотые ванны и рукомойники, а еще... могли позволить себе попытаться стать во главе королевства. Замыслить страшное: переворот.

Не знаю, зачем папе это было нужно. Хочется верить, что он затеял заговор, погубивший и его, и нас, с какой-то благородной целью: избавить страну от тирана, например. А не просто из-за скуки или тщеславия. Потому что... Потому что тогда мне вообще не во что верить.

* * *

Мельник довез меня до главных ворот — именно там располагался сельский рынок, — попрощался и принялся разгружаться. До центра, где находился вокзал, нужно было топтать и топтать.

Я неплохо знала город. В прошлом месяце мы с Мартой покупали мне на рынке обувь, а год назад приезжали на торжественное открытие железнодорожного вокзала. Дорогу в наше захолустье проложили совсем недавно — наверное, одной из последних в королевстве. Да и поезд ходил всего один. Он отправлялся в двенадцать дня и ехал до столицы почти четверо суток.

Билет я купила самый дешевый, деньги следовало беречь. Неизвестно, что ждет меня в столице. Конечно, ехать в общем вагоне, сидя на деревянной лавке, то еще удовольствие, но выхода не было. Повезло: мне случайно досталось место у окна. Можно хотя бы прислонить голову к стеклу и подремать. И пусть я не спала прошлую ночь, сонной себя не ощущала. Скорее испуганной.

Я впервые еду так далеко, да еще совсем одна. Как бы было хорошо, если бы со мной смогла поехать Марта!

Я с трудом заглушила пронзившую сердце боль. Дело сделано, теперь только вперед и никаких сожалений.

Точку в наших спорах о поездке поставил тот же Колай. Неделью назад рано утром я несла сметану и сливки семье Рыски, бывшей ученицы Марты, иногда они покупали у нас молочные продукты. Вышедший из-за угла Колай меня сильно испугал, я даже выронила котомку. Сын кузнеца был взрослый, старше меня на три, а то и на четыре года. Высокий, мускулистый, даже можно сказать — красивый. По крайней мере деревенские девчонки сходили по нему с ума. Марта говорила, что он многих попортил. Правда, не объяснила, что это значит. Попортил одежду? Волосы? Лицо?